

Посланница вечности

детектив из глубинки

18+

Лидия Луковцева

Лидия Луковцева

Посланица вечности

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Луковцева Л.

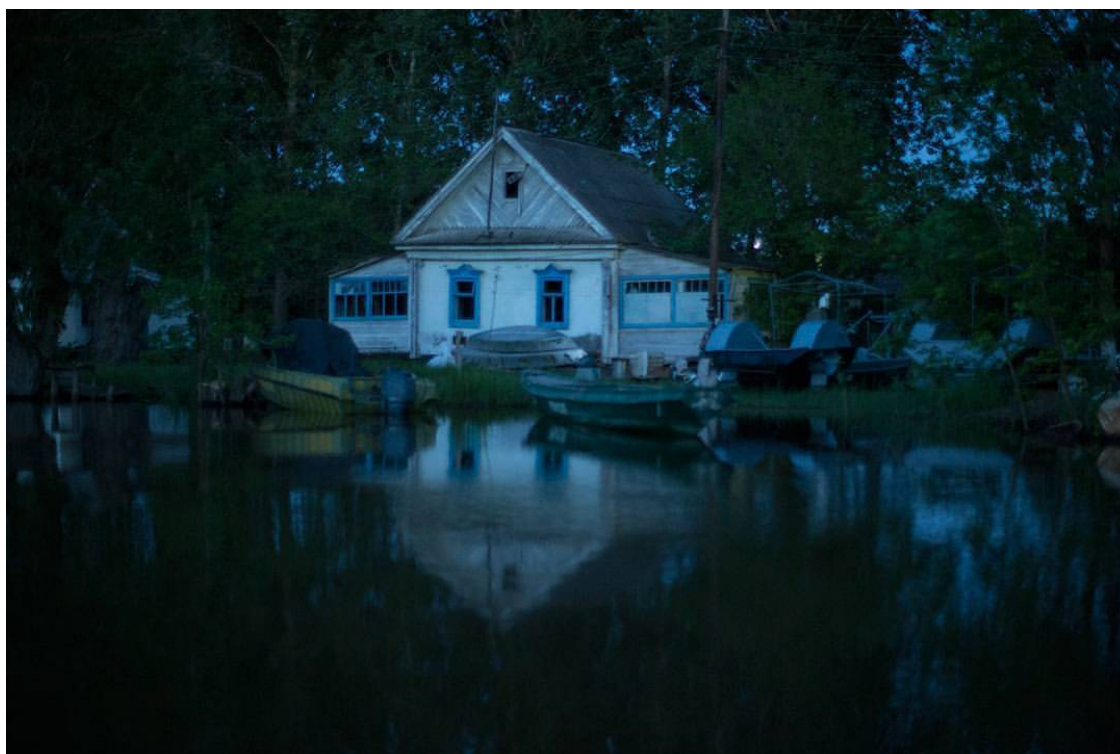
Посланница вечности / Л. Луковцева — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Эхо войны доносится к нам не только артефактами на полях сражений. Оно встречается в самых неожиданных местах. Например, в старых штольнях и карстовых пещерах под горой Басит-ола, где раньше располагался лагерь немецких военнопленных. Три жительницы поволжского Артюховска, больше не помышляя о поисках кладов, просто отправляются на экскурсию, но и тут сталкиваются с загадками человеческих судеб и тайной пропавшего эшелона с золотом. Это четвертая книга из серии о предприимчивых пенсионерках из глубинки, умеющих разворошить чужие секреты и помочь восстановить справедливость.

Содержание

ЖИЛИ-БЫЛИ ДЕД ДА БАБА	5
ШИШЕЛ-МЫШЕЛ, КТО К НАМ ВЫШЕЛ?	13
ГНОМИК ЗОЛОТО ИСКАЛ	20
РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ЖИЛИ МЫШКИ НА КВАРТИРЕ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

ЖИЛИ-БЫЛИ ДЕД ДА БАБА

*Раз, два, три, четыре, пять,
Начинаем мы считать...*

Отец погиб неожиданно, нелепо, трагически. Организация похорон полностью легла на плечи Дэна. Он территориально находился ближе всех членов их не слишком многочисленного, шепутного семейства. Да и кому ж, как не ему, единственному сыну, было заниматься этой горестной процедурой?

Отец с матерью разошлись, когда Дэну едва исполнилось три года. Со свекровью же у матери Дэна отношения сложились нормальные, и внучок больше времени проводил с бабой Томой и дедом Никитой, чем с родителями, устраивающими свою дальнейшую судьбу каждый по отдельности.

Вскоре мать вышла замуж за военного, помоталась с ним по гарнизонам из конца в конец по Союзу. Сейчас они с мужем мирно проживали свою заслуженную счастливую старость в Крыму, в собственном доме. Приезжать на похороны бывшего мужа мать не собиралась.

Тетка Галина, сестра отца, жила еще дальше, во Владивостоке. Возраст, букет болячек, дальность расстояния, финансовые проблемы – все до кучи. Их единственный сын находился в очередном плаваньи, бороздил океанские просторы где-то у берегов Африки.

Дядька Григорий, младший брат, доживал век в онкологическом хосписе в Подмоскowie. Вообще-то он был Георгием, но с детства терпеть не мог, когда его кликали уменьшительным «Жорик», по артюховским канонам. Он называл свое сокращенное имя собачьей кличкой и еще в детстве переделал себя в Григория. Постепенно и всех приучил к тому, что он – Гришка. Все равно ведь начинается на «Г»!

Почему-то баба Тома всем своим детям давала имена на букву «г». Может, это было следствием ее дружбы с казахской Нургалым. В казахских и татарских семьях не редкость, когда имена всех детей начинаются на одну букву. Денис учился с Айратом, брат которого был Азаматом, а три сестры – Айнагуль, Айшой и Айнур.

Дружили Тома и Нургалым много лет, с детства – из одной деревни были. Смолоду разъехались, а сразу после войны опять там встретились, хоть и не надолго. У обеих война забрала мужей. Потом Тамара вернулась в Артюховск, а Нургалым-апа так всю жизнь и прожила в родном селе, с сыновьями и многочисленными внуками, и до самой смерти бабы Тома, бывая в Артюховске, подкидывала подруге то мешок их знаменитой розовой картошки, то половину туши барана.

Приезжала сначала с сыном, а потом уже и с подростком внуком. Сын – Степан, внук – Ханнат. Ханнат Степанович, местная экзотика. Дэн все дивился: сын и внук – прокопченные, скуластые, узкоглазые степняки, а волосы у обоих светло-русые и глаза светлые. Разительный контраст! Внучок за лето выгорал до белобрысости. Муж русский был, скупо объяснила баба Тома как-то раз.

А когда Тамара умерла, Нургалым ездить перестала. Наверно, теперь тоже уже в живых нет. Сын и внук тем более не приезжали, кто они им, Докучаевы, в гости ездить. Родня великая!

Двоюродные братья Дэна, сыновья дяди Гриши, довольно успешные московские бизнесмены средней руки, обещали прибыть ко дню похорон. А пока сказали: Дэнчик, ты уж там покрутись сам, материальную поддержку мы окажем. Дэн и не роскошествовал со своей зарплатой, но и не последний кусок доедал. Однако решил, от близких родственников почему не принять помощь?

Отца зарезали собутыльники, вследствие празднования 8 Марта. Обнаружил тело сосед – пришел утром разжиться поллитрой самогона в долг, полечиться. Геннадий Николаевич иногда являл милость, не отказывал страждущему ближнему. Но обмана не прощал, динамить себя не позволял. Долги он не выбивал, а просто закрывал проштатившемуся клиенту кредит. Да даже и за деньги товар после инцидента не отпускал – молча закрывал перед носом калитку или форточку, смотря куда стучал покупатель с учетом времени – ночью или днем.

Дом фасадом стоял вплотную к тротуару, палисадник отсутствовал, как и у всех домов на их улице Горской. Когда, с какого перепугу ей дали такое название, никто из старожилов не ведал. Гор поблизости и в помине не было, а была река – та самая знаменитая, которая течет издали далеко.

Форточку отец устроил в створке специально, как раз такую, чтобы бутылка пролезала. Отец и в ставне выпилил кусочек дерева, как раз на уровне форточки, и посадил его на петли. То есть, для форточки обустроил персональную ставеньку. Она присутствовала в центре большой ставни неким анклавом, государством в государстве, как Ватикан в центре великого города Рима.

Отец, проникшись духом времени и модой на англоязычие, называл свою форточку алко-маркетом. Невнимательному взгляду незаметна – закрыта и закрыта ставня на ночь, как во всех остальных порядочных домах. Или в летнюю жару, когда спасу от зноя нет, термометр ползет за сорок. А люди знающие открывали замаскированную мини-ставеньку и стучали в форточку условленным стуком: «старый барабанщик – старый барабанщик – старый барабанщик крепко спал»... Когда-то дед Никита научил выстукивать эту барабанную дробь отца, а потом и Дэна. Дэн тогда еще был Дениской.

Короче, все у отца было отлажено, продумано и безопасно даже в самые трудные, репрессивные для самогонщиков времена фронтальной борьбы с самогонварением. Участковый про всё знал, но «крышевал», человек ведь слаб от природы и использует для повышения жизненного уровня те возможности, какие ему судьба посылает.

В то время как матери повезло, она устроила свою дальнейшую судьбу почти сразу после развода, отец всю жизнь оставался в поиске. Уйдя от последней, пятой или шестой по счету гражданской жены, он решил больше не экспериментировать и вернулся в отчий дом. Баба Тома к тому времени умерла, и они с дедом Никитой холостяковали на пару. Дед был неродным отцом Геннадию Николаевичу, и тот всю жизнь считал себя нелюбимым сыном. Может, и были у него какие-то основания так думать, но на последнем отрезке жизни сосуществовали они вполне мирно. После смерти деда Никиты ни Галина, ни Григорий на дом не претендовали, не требовали продать и поделить, – и отец жил себе хозяином.

Продукция его имела немалый спрос. Геннадий Николаевич поначалу был широко известен в узком кругу выпивох только старой части Артюховска, что на правом берегу. Но со временем круг этот значительно расширился. Уже и в гордом молодом многоэтажно левобережье появились у него, как принято сейчас изъясняться, пользователи. Любил и сам употребить. И вот, индивидуально-частное предпринимательство его закончилось трагическим образом.

Полиция шерстила ближайшее окружение Николаевича и широкий круг его клиентуры. Отца не просто примитивно пырнули ножом – его, судя по количеству и характеру ран, пытали. Это отвечало версии следователей о бытовухе: пили вместе, потом собутыльники потребовали деньги. Знали наверняка, что они у хозяина водятся, и шли к нему именно с целью ограбить.

Денис не мог сказать, сколько денег пропало, и пропало ли что-то вообще. Они с отцом не были слишком близки, не то, что с дедом. Кроме того, ему был несимпатичен отцовский бизнес, и Денис в его финансовые дела не вникал. Пенсию отец получал приличную.

В кошельке денег не было. Точнее, не наблюдалось самого кошелька. Небольшую сумму – месячный прожиточный лимит, надо полагать – Дэн обнаружил в коробочке с лекарствами на прикроватной тумбочке. Там же находился и записанный на обрывке листочка пин-код от банковской карты. То ли отец не надеялся на собственную память, то ли записал на всякий случай, для сына. Сама карточка нашлась в пластиковой папке, вместе с другими документами: паспортом, пенсионным удостоверением, полисом... На карточке фигурировала довольно приличная сумма.

Все пьющие люди микрорайона отнекивались, отбрыкивались, отбояривались, ушли в несознанку. Участковый, спасая должностную шкуру, деятельно участвовал в расследовании и «стучал» на весь свой неблагополучный контингент. Про благополучный же благоразумно помалкивал, как и про свою роль, разумеется.

Контингент все же опасался в отместку стучать на участкового – мало ли, как оно там повернется! Все они там, в ментовке, одна шайка-лейка, все равно вывернется и останется на своем месте, рассуждали они. А тебе потом – хоть место жительства меняй.

Но следователь утешал Дениса: рано или поздно найдем. Все равно где-то что-то выплывет.

* * *

Поминки устроили в ближней кафешке. Учитывая местную специфику, прибывшие братья процесс поминовения не пустили на самотек и зорко бдили, чтоб никто не излиществовал и не засиживался за столом.

– Земляк, – говорил кто-нибудь из братьев, прохаживавшихся вдоль поминального стола, в ухо поминальщику, начинавшему вдруг беспричинно повышать голос или протянувшему руку со стопкой, чтобы уже и чокнуться за здоровье присутствующих, – надо и другим помянуть. Уступи стульчик-то! Там на выходе тебе бутылку дадут и закуси, дома с товарищами еще помянете нашего дядю.

И все устремлялись к выходу не ропща. Расход, конечно, увеличился, но не намного, в основном, продукция покойного пошла в ход. Зато все прошло вполне пристойно.

– Дэнчик, – сказали кузены потом, – денег мы тебе оставим и на девять дней, и на сорок, а ты уж организуй. А через полгода мы приедем с доверенностью от бати, наследство делить.

Или, лучше, через год... Хотя чего тут делить?! Ну, соберемся по-семейному в кои-то веки, может, Славик из своих морей-океанов подтянется. Вроде как по закону положено. Сделаем родительское гнездо местом сбора, вроде общей дачи? Будет, куда приезжать в отпуск, на рыбалку. Словом, остаешься на хозяйстве. Хочешь – квартирантов пусти на год, тебе же деньги не помешают? Не возражаешь?

Дэн не возражал... Квартирантов в дом он пускать не стал, хотя жить ему было где: дед и родители когда-то скинулись и в качестве свадебного подарка купили ему скромную однушку в старой пятиэтажке. Но Денис уже тоже второй год холостяковал. Гены отцовские дурные, что ли?! Или бабы нормальные перевелись? Всем подавай крутых и богатых.

У артюховских красоток запросы не сильно отличаются от запросов красоток столичных. Когда он учился в педухе, студентки, которых там было большинство, выпархивая после лекций на улицу, хвастались: вон мой на ауди, а мой на БМВ... Ни одна не сказала: а вон мой на жигулях или мотоцикле, но я его люблю, а ваши, на иномарках, ему и в подметки не годятся.

Но, надо признать, тут Дэн преувеличивал. Иначе как бы он, идя по стопам отца, женился студентом, на своей однокурснице? Детьми они сразу обзаводиться не стали, и правильно сделали – времена другие. Молодежь поумнела, медицинские средства стали доступными, а жизнь, наоборот, усложнилась. Но долго тоже не прожили.

Оказалось, что у них с Дашей абсолютное несходство характеров, и не стоит даже время тратить на притирку. Даша вернулась к родителям и озаботилась устройством карьеры, как она это понимала, то есть прыгала из фирмы в фирму в поисках то ли хлебного места, то ли надежного мужа.

Поэтому сейчас проблем с отцовским хозяйством, в смысле пригляда, никаких не возникло. Дэн попросил соседей по площадке некоторое непродолжительное время прислушиваться к звукам в его квартире и посматривать в глазок. Рыбок, кота и попугая у него не было, цветов не водилось.

Дэн собрал рюкзачок с кое-какими вещичками и отбыл на Горскую, в дом, где прошло почти все его детство. Захотелось ему перед грядущей продажей дедовского гнезда пожить там хоть недолгое время. Ностальгия, что ли, взыграла? Вроде того, как в песне поётся: «Дайте до детства счастливый билет».

С работой все уладилось легко. Весна, особого наплыва туристов еще нет. Его отпустили на недельку, в счет отпуска, без проблем.

* * *

Когда-то (впрочем, не так уж давно) Дэн баловался стихами. Как-то изумительной июльской звездной ночью, вертясь во дворе в марлевого пологе по причине юношеской бессонницы, он вдруг почувствовал прилив вдохновения. Толчок высокому чувству придало грешное земное происшествие, весьма нередкое в их доме: баба Тома ссорилась с дедом Никитой. Или наоборот. У Дениски, вынужденного прослушать свару от начала до конца из-за открытых настежь окон, родились строки:

Что связывает их? Любовь, привычка, внуки?

Страх одиночества или постельный грех?

Их жизнь – качели, цирковые трюки:

Вверх – вниз. Сегодня слезы, завтра смех...

Сколько он себя помнил, деда с бабкой мир не брал. Дед у бабы Тома в добром расположении духа звался МикитУшкой в глаза и за глаза, с этакой непередаваемой ухмылочкой. То ли уничижительно, то ли ласкательно... У бабы Тома сердитой – Проклятым. Баба обычно именовалась дедом Чокнутой и Патлатюкой (у бабы Тома были роскошные волосы).

Дед был вторым мужем бабы, а она – его первой. Первый муж умер от ран сразу после Победы, и никогда не приходилось ни Денису, ни трем его двоюродным братьям слышать от бабы какие-то разговоры, упоминания о первом муже. Может, она его так любила, что не могла

простить деду Никите своего второго замужества, всю жизнь сравнивая их, и сравнение было не в пользу деда?

Дед уходил на фронт неженатым, молод еще был на ту пору. Баба Тома была старше него на пять лет. Дед после войны пришел к бабе Томе примаком. По сути, этот дом – бабкин. Но то, что домишко, переваливший столетний рубеж, не клонится набок и не вырастает одним углом в землю, а стоит, пряменький да бравый, да нарядным сайдингом обшитый, – это, конечно, дедова заслуга.

Отец Дэна, Геннадий Николаевич, старший бабин сын, был от первого мужа. Они с отцом – Подкорытовы, дед Никита и, соответственно, тетка Галина и дядя Гриша – Докучаевы.

Что дед, что баба были большими шутниками, приколистами по-нынешнему. И постоянно что-то друг от друга прятали. Поначалу это, наверно, было для них вроде азартной игры, почище всяких казино. Постепенно стало образом жизни. Нынче называется – квест. У обоих развилась необычайная розыскная интуиция. Нюх, говорили они.

Баба Тома понемногу утаивала от деда денежки, заворачивала их в полиэтиленовый кулек и регулярно перепрятывала. Вдруг однажды, ни с того ни с сего, МикитУшке взбрело в голову топить среди лета печь в доме, к чему он вообще не имел никакого касательства, к тому же должен был в это время ковыряться в огороде. Баба Тома, возившаяся в летней кухне, унюхала дым, выскочила во двор – уж не пожар ли? Нет, во дворе все в порядке. Слабенький прозрачный столбик поднимался из трубы над домом.

Баба фурией влетела в дом и двинула со всей мочи сидящего на скамеечке перед дверцей печи деда. Дед улетел, скамейка следом. Баба, словно безумная, стала кочергой выгребать в железный таз сгоревшие бумажки, но выгребать там было уже нечего.

А она, моча, вдруг возьми да стукни! Дед просто засовывал в печь пустую пачку от сигарет, увидел, что все забито, и решил маленько помочь жене.

– Тебя чего черт дернул топить среди лета?! – рыдала баба.

– А тебя не иначе черт дернул туда деньги совать! Вот в следующий раз думать будешь своим котелком!

– Да ты ж, проклятый, хоть бы посмотрел, чего ты там подпаливаешь! – она сама же и рушила свои логические построения.

– А зачем же я буду в этом барахле рыться? Кому нормальному в голову придет деньги в печке прятать?! Только такой чокнутой, как ты!

Но и у деда случались убытки.

Стояла как-то баба и молча смотрела, как дед поливает смородину. Кусты ранней весной были окопаны, но бортики от поливов и дождей размылись, почти сравнялись с землей. Вода, стекая, поливала бурьян. Тамара скорбно покачала головой и скрипнула зубами, но смолчала, может, в тот раз в чем-то грешна была перед мужем.

Никита так и не понял, с чего это супруге вздумалось тут стоять и наблюдать за процессом полива. Поучить решила? Ну-ну! Но она так и ушла молча. А через пару-тройку дней взяла лопату и направилась в огород – окопать смородину заново, пока земля рыхлая.

У них с супругом был договор по умолчанию: дом и кухня – бабское хозяйство, двор и огород – мужское. Ну, варианты, конечно, были. Поэтому дед, узрев в окно супругу, направляющуюся в огород с лопатой, несколько был удивлен.

– Ты это что, с лопатой? Укропу нарвать отправилась? – поинтересовался он.

– Смородину окопать, – нехотя разжала губы супруга.

– А чего ее окапывать? – забеспокоился дед. – Я же весной ее окапывал!

– Так кое у кого повылазило, что вода по огороду хлещет, сорняки поливает. То-то я не успеваю траву выдергивать.

– А сказать мне, чтоб еще раз окопал – запаadlo?

Баба Тома не то фыркнула презрительно, не то вздохнула тяжело, со всхлипом, словно конь всхрапнул. Что ж это за мужик, которому надо пальцем показывать!

– Легче самой сделать, чем тебе вдолбить! – все же великодушно пояснила она и с сильно преувеличенным отчаянием махнула рукой.

– Да ладно тебе! Сам окопаю, делов-то куча! – и попытался забрать лопату.

– Пошел к черту! – удивилась баба такому рвению и рванула лопату к себе.

– Топай в свою кухню и колготись там! Деловая колбаса! – рявкнул дед и рванул к себе несчастную лопату.

Пару минут они сражались с переменным успехом. В бабу Тому словно бес вселился и что-то ей нашепывал. Поведение деда стало казаться бабе Томе не просто необычным, а подозрительным. С чего вдруг такое упорство? Уже давно бы пора ему было выпустить лопату из рук и сказать свое обычное: ну и дерзай, раз шлея под хвост попала! Видно, и впрямь попала, и придала сил, потому что победу в этой битве титанов одержала супруга.

С неостывшим азартом победителя Тамара, хэкнув, вогнала штык в землю, раз и еще раз... Под штыком что-то хрустнуло, и полупросохшая земля стала на глазах набухать от влаги. Присев, баба Тома осторожненько разгребла мокрую землю и вытащила на свет божий верхнюю половину трехлитровой бутылки. Горлышко ее было закатано жестяной крышкой, хранившаяся в таре жидкость, естественно, вытекла, и в воздухе явственно повеяло самогонным амбре. В нижней части бутылки, разрубленной лихим и метким бабы-Томиным ударом, плескались остатки самогона, безнадежно испорченные насыпавшейся землей.

– Патлатюка чокнутая, – горестно констатировал вышедший из ступора дед Никита и, понурившись в бессильном отчаянии, побрел в дом.

Руки на жену он не поднимал никогда, даже в подпитии. Он даже не сказал своего обычного «тудить твою в дарданеллу»!

Душа бабы Тома рванулась было вслед деду, разделяя глубину горя супруга. Тамара успела ее придержать, и уста, разлепившись, выплюнули совсем не то, что рвалось из души. Ступок мстительности и торжества пулей вlepился в понурую спину деда Никиты.

– Шесть – семь! – напомнила супруга.

Баба Тома хоть и чувствовала себя не в своей тарелке, но справедливость – превыше всего! Они с дедом вели каждый себе счет побед и поражений в своей нескончаемой поисковой войне и, дотянув до десяти, начинали счет сызнова, чтоб не запутаться в больших цифрах. Довольно долго на тот момент у них держалась ничья, и сегодня удача, наконец, улыбнулась бабе Томе.

* * *

Тамара умерла скоропостижно и легко, во сне, на зависть товаркам и недоброжелательницам. Тромб оторвался, вот же везет людям!

Похоронив жену, дед горевал сильно. Вот кто бы мог подумать! Дети и внуки ожидали, что немного времени пройдет, и найдется шустренькая нестарая бабенка, которая возьмется его утешать, а там вскоре и зудеть начнет в свою пользу, и дом наследует. У всех же свои дети и внуки, все блюдут свой интерес

Да, в общем-то, семейство и не возражало бы против такого расклада. Кому-то уже светило путешествие в мир иной, как дяде Грише, кто-то был финансово вполне благополучен, как его сыновья, кто-то (конкретно – отец Дениса) был пофигистом и не хотел лишних хлопот. К тому же, его последний гражданский брак на тот момент казался крепким, и проживал он на площади жены. А присмотр деду был нужен.

Насколько баба Тома с дедом Никитой блюли супружескую верность, было неизвестно. Но по крайней мере один амурный эпизод за дедом числился. Хотя супруги дружно помалкивали на эту тему, семейство было в курсе. Спутался Никита с дальней их соседкой.

Вдовица Татьяна Сычева жила в паре кварталов ниже по их длинной горбатой улице. Соседи-мужики иногда помогали одинокой женщине по хозяйству. Помощь требовалась периодически и частенько. Запахаживал туда и Никита, тогда еще далеко не дед. Соседка Татьяны подшепнула Тамаре, что уж слишком часто запахаживал. Тамара была человеком довольно сдержанным и замкнутым, не любила публичных сцен и не пошла проторенным путем с битьем окон и тасканием соперницы за волосы.

В те времена про туалетную бумагу в российской глубинке слухом не слыхивали, видом ее не видывали, зато периодики выписывали в семью много. На производстве подпиской занимался профком, и был свой план по охвату рабочего коллектива различными изданиями. Газеты по прочтении хозяйки резали на аккуратные прямоугольнички и относили в уборные для дальнейшего использования.

Тамара старательно, не поленившись, щедро натерла газету с обеих сторон сушеным перцем, завернула в нее несколько рыбешек свежего посола – дед по этой части был в авторитете – и отнесла Татьяне. Помяни, мол, моих родителей, отцу память. Та, глазками бегая, взяла, не отказалась.

Потом та же Татьянина соседка-осведомительница рассказала Тамаре про шумную разборку в Танькином дворе с участием Томкиного супруга. Татьяна обвиняла недавнего милого друга, что он заразил ее какой-то пакостью, что у нее внизу все горит, зудит и чешется. Дедовы резоны, что у него-то не горит, не зудит и не чешется, Татьяна не хотела слушать. Никита обозвал ее матерными словами, напомнил ей про помощников по хозяйству – его предшественников, дескать, кому бы вякать, да не тебе.

Это была их последняя встреча. Спустя какое-то недолгое время, наверно, когда газетные четвертушки закончились, Татьяна сопоставила неожиданный Томкин визит и ее угощение со своей заразной болезнью. А может, к врачу ходила и сделала кое-какие выводы. Во всяком случае, Танька Сычева и супруги Докучаевы остались врагами до конца дней своих.

...Бабенки все не появлялись в жизни вдового деда, ни шустрые, ни нешустрые, ни молодые, ни старые. Денис иногда думал, что дед, как в сору роясь в претендентках, никак не отыщет достойной кандидатуры по квестовым забавам, равной бабе Томе. Теперь ему не от кого было что-либо прятать, придумывать места для хитроумных заначек, поскольку партнерша у него в свое время была достойная. Другую такую еще воспитать надо. Дед затосковал и захирел. Может, потому и возвращению Геннадия в отчий дом обрадовался – родная душа рядом появилась, не какая-нибудь корыстная лахудра. Такой, как Тома, ему все равно не найти. Да и искать уже нет охоты.

Но, в отличие от отца, у которого мужская хозяйственная жилка отсутствовала напрочь, даже попивая в годы своего вдового одиночества, дед хозяйство не запускал. Во дворе у него был порядок. Даже глухая стенка, выходящая в сад и скрытая от глаз гостей, была аккуратно выкрашена в серый цвет стойкой авиационной краской от всякой непогоды.

Стена была общая для летней кухни, бани и сарая с дедовым инструментом – просто одно длинное строение было разделено на три части. С этой глухой стеной тоже был связан комичный эпизод, вспомнил Денис, бродя по саду.

Оказалось, что она вовсе не была такой уж единой и монолитной, и обнаружить этот изъян, вполне рукотворный, довелось бабе Томе. Черт ее понес (или ее знаменитый нюх) в один далеко не прекрасный для деда день погулять по саду. И занес он ее к глухой стене (вот уж нашла место для прогулок)!

Баба Тома, любуясь свеживыкрашенной стеной, окинула ее цепким взглядом, и взгляд натолкнулся на некий пустячок, нарушавший общую гармонию. Чуть-чуть выдавался кирпич в фундаменте на стыке кухни и сарая и нахально дисгармонировал с общей картиной. Озлясь на безрукого мужа, Тамара слегка пнула кирпич, стремясь вогнать его поглубже и восстановить гармонию. Кирпич под ее ногой слегка шевельнулся. Тома нагнулась, раскочаила его – и легко

вытащила! Пошарила рукой в ямке, а ямка оказалась схроном. А из схрона она выудила старую болоньевую сумку, погрызенную крысами. Погрызены были и деньги, завернутые в сумку. Вот как эти твари могли туда пробраться?!

История произошла вскоре после того случая, как дед сжег ее записку. Теперь паритет был восстановлен, хотя и не самой Тamarой. Хотя, конечно, семейному бюджету урон был нанесен двойной.

Дэн окинул внимательным взглядом стенку: где ж этот знаменитый кирпич? Дед в присутствии бабы Тома говорил, что зацементировал его во избежание дальнейших эксцессов и при этом хитро подмигивал. Денис подумал сейчас – далеко не факт! Дед был сторонником принципа, что снаряд дважды в одну воронку не падает.

А вот и он, кирпич! Слегка выпирает из общей кладки, сторонний взгляд и не заметит. Денис повторил манипуляции в той же последовательности, что и баба Тома в свое время – присел, расшатал и выковырял кирпич, просунул руку в ямку и вытащил – нет, не болоньевую, крысами изгрызенную сумку. В большом полиэтиленовом пакете, завернутая в несколько слоев, была упакована жестяная прямоугольная коробочка из-под халвы, затейливо расписанная в псевдовосточном стиле. В коробочке – когда он открыл ее, размотав полиэтилен, – сверху записка, написанная дедовой рукой.

«Это имущество моей жены Тамары. Раз она не захотела его уничтожить, то и я не имею права. Наверно, оно должно кому-то достаться. А если нет, на нет – и суда нет, но я в том не виноват. Как Бог рассудит».

Под запиской был еще блокнот, кем-то разодранный пополам, с торчащими обрывками серых суровых ниток. Сильно пожелтевшие страницы блокнота неровно исписаны латинским шрифтом. Выцветшие строчки, писанные химическим карандашом, со временем из яркосиних превратились в бледно-синие, когда карандаш слюнявили. Потом постепенно они становились плохо различимыми, слабого серого цвета, когда карандаш высыхал, местами и почти совсем неразличимыми.

Дэн в школе и в институте учил немецкий, и отдельные слова понял. И когда принес свою находку в дом и вчитался, стало понятно, что это стихи. Он уловил ритм. Со словарем можно прочитать. Откуда этот блокнот у бабы Тома? Почему он – ее имущество? И к чему такая таинственность, жмурки-прятки? Денису никогда не приходилось видеть этот блокнот, а уж ими, четверьмя пацанами, двоюродными братьями, был обследован каждый уголок в дедовском доме и во дворе.

Неужели отец, наверняка осведомленный об этой дедовой схованке, да и о других тоже, не полюбопытствовал, не поискал денежных записок и не обнаружил чего-то интересного? Вот этой коробочки с блокнотом, например? А если все-таки обнаружил – и оставил на месте? Значит, решил, в свою очередь, пусть лежит здесь и дальше, раз отец, Никита, так захотел. И ему, Денису, своему сыну, ни словечком не обмолвился, чтобы тот, в свою очередь, голову не ломал над загадкой? Прямо-таки тайны мадридского двора!

Спросить теперь уже не у кого. Много чего мы не успеваем спросить, уверенные, что близкие будут всегда. Хотя теоретически понимаем, что никто не вечен. А ему-то, Денису, что с этой находкой делать, раз он все-таки ее обнаружил?

ШИШЕЛ-МЫШЕЛ, КТО К НАМ ВЫШЕЛ?

Осенняя Рига была прекрасна. Впрочем, как, наверное, и в любое время года. Многочисленные парки и скверы сентябрь уже начинал постепенно раскрашивать во всевозможные оттенки золота и багрянца, беж и терракоты. Зеленая листва становилась пятнистой и начала опадать.

К Паулю Фишеру, пожилому туристу из Германии, погода была благосклонна: как правило, говорили ему, в сентябре в Риге хмурых и солнечных дней примерно поровну. Те несколько дней, что он любовался рижскими красотами, выдались солнечными. Даже если изредка напоздали тучки и накрапывал дождь, он быстро и прекращался, пугал только, а в тучах опять проблескивало солнце.

Господин Фишер посетил исторический центр, полюбовался архитектурой, скульптурными шедеврами, в том числе знаменитой Милдой – Памятником Свободы. Вежливо улыбался, слушая забавную легенду о купце-латыше, построившем Кошкин Дом. Соотечественники герра Пауля, в далекие времена командовавшие парадом в Гильдии купцов, не желали принимать в члены Гильдии аборигена-латыша, несмотря на его богатство. Купец придумал, как продемонстрировать свое латышское пренебрежение немецким снобам: построил дом с башенками, а на башнях установил скульптуры котов, обративших зады к зданию Гильдии.

Восторжествовала ли юридическая справедливость, или пошли на попятную оскорбленные купцы-немцы, история умалчивает. Однако после судебных разбирательств в пользу латыша коты развернулись мордами к Гильдии. В любом населенном пункте, претендующем на звание туристического центра, существует подобная милая легенда.

Рига понравилась господину Фишеру и уютными кафе, и старинными узкими улочками, и мостовыми, на которых явственно звучала поступь столетий... Конечно, ничем таким уж особенным она его не удивила – Пауль Фишер приехал из страны, славящейся готической архитектурой и не менее, если не более, историческими традициями.

Домский собор он оставил на десерт. Сегодня Пауль во второй раз пришел к двенадцати часам, чтобы послушать двадцатиминутный органнй концерт. Он сидел на скамье, ссутулившись, опустив голову и закрыв глаза. Исполняли «Времена года» Вивальди...

...Музыка отзвучала. Господин Фишер выпрямился, провел рукой по глазам, то ли смахивая слезы восторга, то ли снимая с глаз романтическую пелену и возвращаясь в реальность. Взглянул на часы: пора. Через десять минут у него должна была состояться встреча с человеком, которого он не знал, но искал долгие годы, после смерти своего отца. Отец завещал ему найти сына своего фронтового друга, Генриха Шеллерта, поскольку сам этого осуществить не успел. Друга, благодаря которому отец выжил, а сам Генрих погиб, остался в России, в поволжских песках.

* * *

– Господин Фишер?

– Господин Петерсон?

Вопрос прозвучал одновременно. Оба смотрели друг на друга с одинаковым любопытством. Несомненно, они друг друга узнали, хотя знакомы не были. Узнали, поскольку видели фотографии друг друга.

Величайший волшебник современности – интернет! Вершитель судеб! Только благодаря ему, Паулю удалось выполнить волю отца и найти – нет, не сына, а уже внука Генриха. И не в Германии, где сам отец долгие годы пытался его найти, а в маленькой, не такой уж близкой Латвии.

Перед господином Фишером стоял рослый, широкоплечий молодой человек. Голубоглазый, яркий блондин – такой тип белокурости сейчас называют «скандинавский блонд». Классический тип арийца! Перед Робертом Петерсоном – благообразный господин, весьма в летах, сутулящийся то ли под тяжестью этих лет, то ли с младенчества сутулился из-за каких-то комплексов. С поблекшими серыми глазами, пеговато-седой.

Почему-то первый, беглый взгляд не пробудил в них симпатии друг к другу, и они оба это почувствовали. У молодого Петерсона лежали на плечах наушники, буквально секунду назад выдернутые из ушей, и господин Фишер был уверен на сто процентов, что звучала в них отнюдь не классическая музыка. Крепкие челюсти двигались безостановочно, гоня во рту жвачку. Эта раскованность молодых, их манера прилюдно потрафлять своим привычкам в ущерб приличиям возмущала пожилого господина до крайности. Иначе как беспардонностью он ее не называл.

Роберта позабавил чопорный вид и церемонность дедули, и легкая усмешка скользнула по его губам. Сейчас начнутся речи о долге памяти, и ему торжественно вручат или погнутую алюминиевую кружку, или нательный крестик, или что-то еще в таком же роде. Он пришел на встречу, соблюдая элементарные приличия (в чем господин Фишер мысленно уже отказал ему) и уважая путь, который проделал пожилой господин ради этой встречи. Это ж надо – выполняя волю умершего отца! Своим дедом Роберт считал другого человека, и пепел погибшего сто лет назад на российских просторах немецкого солдата, которого он в жизни не видел, не стучал в его сердце.

Они зашли в ближайшее кафе, крохотное, на пять столиков, и очень уютное. Заказали кофе. Роберт, наконец, вытащил изо рта свою жвачку, выдернул из затейливой салфетницы с национальным колоритом салфетку и, завернув шарик в салфетку, положил рядом с тарелочкой. Все же – не лишен некоторого европейского «лоска»! Мог бы и с обратной стороны столешницы прилепить или к ножке стула. Это теперь у нынешней молодежи в порядке вещей.

– Как же долго я вас искал! Вернее, сначала вашего отца, – начал беседу господин Фишер.

– Вы, как я понял, искали нас в Германии. И искали вы Шеллертов. Моя бабушка, если вы этого не знали, – латышка. После гибели деда она вернулась в Латвию, уже после войны. Здесь вышла замуж во второй раз, в замужестве стала Петерсон. Ее муж усыновил моего отца, мы – Петерсоны. Быть в статусе вдовы немецкого оккупанта в советской Латвии... сами понимаете!

Тут он поднял обе руки и пальцами изобразил шуточные кавычки.

– У меня редкая латышская фамилия! Как Петерс в Германии. Или Петров в России. А отец... Отец мой умер девять лет назад. Вы писали, что хотите мне что-то передать?

Вот так: сразу – быка за рога! Торопится. Никаких приличий, даже элементарных.

– Да-да! Я должен передать вам... – он протянул Роберту светло-желтую полупрозрачную пластиковую папку-конверт. – Я, как вы понимаете, всего лишь почтальон... как бы это сказать... доставщик послания... из прошлого. Посланица вечности, – запутавшись окончательно, криво улыбнулся господин Фишер своей высокопарности.

– И что хранится в этой папке? Карта спрятанных в России сокровищ? – Роберт хотел спросить шутливо, но его юмор, похоже, не был воспринят, господин Фишер поморщился.

– Это тетрадка со стихами вашего деда.

Это было даже посильнее того, что предполагал Роберт!

– Вернее, половина блокнота. Андреас, мой отец, и ваш дед Генрих встретились в лагере для военнопленных в Поволжье. Пленные добывали соль из озера, есть у них там такое соляное озеро Тускел. Ваш дед спас жизнь моему отцу.

Пауль, как мог короче, пересказал молодому человеку эту историю. Отец после ранения плохо поправлялся, был истощен и ослаблен, а Генрих в то время работал при кухне, на подсобных работах. Как-то он сумел пристроить туда же и Андреаса. Ему приходилось работать за двоих, поскольку помощник из отца был никудышный.

К примеру, главной их обязанностью было возить пресную воду для готовки пищи. Лагерь располагался в степи, на солончаковых землях, и с питьевой водой были большие проблемы. А в горе, отстоявшей на неблизком расстоянии, бил родник, формировавший несколько подземных озер с пресной водой. Оттуда ее и доставляли Андреас с Генрихом на тележке, во флягах. Пока, наполнив одну флягу, Генрих перетаскивал ее к стоявшей у входа в пещеру тележке, Андреас наполнял другую и имел возможность немного отдохнуть.

Генрих перетаскивал все фляги, кроме самой последней. Ее уже тащил сам Андреас, след в след за Генрихом и его предпоследней флягой. Прежде чем тронуться в обратный путь – тащить тележку с полными флягами под палящим солнцем – передыхали уже вдвоем, привалившись спинами к скале. Скала была теплой, и в первые мгновения после пещерного холода это было блаженством.

Тележку, по большому счету, Генриху приходилось тащить одному, Андреаса болтало из стороны в сторону. Через какое-то время он просто толкал ее сзади. Да разве только это! Много чего пришлось пережить. Отец через всю жизнь пронес благодарную память о своем друге.

– А тетрадь?.. Как она оказалась у вашего отца? То есть, блокнот...

Спешит, спешит...

– Блокнот... Видите ли, ваш дед писал стихи. Не буду лукавить, я, конечно, прочел их. Я не великий знаток поэзии, но это, как бы сказать...

– Да говорите уж как есть, – усмехнулся Роберт. – Не думаете же вы, что меня захлестнет чувство кровной обиды за деда, которого я, кстати, никогда и не видел? И мало что о нем знаю... Что, так себе стихи? Не образец высокой поэзии?

– Не образец, – кивнул пожилой господин, он старался сдерживаться. – В тех условиях... обратиться к поэзии... Находить время и силы после изматывающего дня... Когда сон был спасением, и каждая его минута дорога... Кроме всего прочего, это было просто опасно. Его могли расстрелять – мало ли, что он там пишет! Охрана не обязана знать немецкий. Да и кто бы стал разбираться? Одним пленным больше – одним меньше...

Он пожал плечами и ткнул сухим бледным пальцем в блокнот.

– Да, я бы сказал – самодельные стихи. Но ведь это история вашей семьи! Генрих писал о том, что пережил, о своих чувствах. Написал не так уж много, таковы были обстоятельства. Я даже не представляю, как он умудрился добыть этот блокнот и карандаш – в то время и в тех условиях! Думаю, что работа при кухне сыграла роль, какой-никакой доступ к продуктам был у него. Кстати, расположение стихов не совсем обычно, это потом нам стало ясно. Как будто он что-то предчувствовал.

– То есть?..

– Когда в самом конце войны поползли слухи о расформировании лагеря, невозможно же было предположить, чем это все закончится? Одни считали, что расстрелом, другие – что пленных развезут по другим лагерям. Тогда Генрих разорвал свой блокнот пополам. Одну часть отдал моему отцу, а вторую оставил себе. Оказывается, он дублировал стихи. То есть, в половинке блокнота, отданной отцу, стихи повторялись в той же последовательности, что и в половинке, оставшейся у вашего деда. На тот случай, объяснил Генрих, если кому-то из двоих не суждено будет выжить или вернуться на родину. Он взял с отца обещание, что, если тот останется жив, обязательно отыщет вашу мать, расскажет все об их здешнем житье и передаст ей блокнот. Он очень любил Алму.

«Надо же, дублировал стихи! Какая предусмотрительность! – подивился про себя Роберт. – Только для того, чтобы любимая женщина прочитала? Наверное, там сплошь признания ей в любви, воспоминания о былом счастье.»

Мужчины посидели еще немного, обмениваясь вежливыми репликами на тему погоды и обязательных туристических объектах, которые просто необходимо посетить. Собственно,

говорить было особо больше не о чем. Это понял даже приверженец приличий Пауль Фишер. Наконец, сочли возможным распрощаться. Простившись, оба вздохнули с облегчением.

Господин Фишер, выйдя из кафе, взглянул на насупившееся снова небо, зябко передернул плечами и поднял воротник куртки. Собирался накрапывать дождик. Ну что ж, это был его последний день пребывания в Риге. Он все-таки выполнил поручение отца, но не испытывал чувства удовлетворения.

Стоило ли оно того – так долго искать, ехать сюда? Он не удивился бы, узнав, что, бегло пролистав тетрадку, Роберт выбросит ее в мусор.

А Роберт Петерсон закинул за плечи рюкзачок, вставил в уши плеер и потопал на стоянку такси. В рюкзачке он уносил бледно-желтую пластиковую папочку с половинкой блокнота в пестрой, сине-зелеными разводами, клеенчатой обложке – посланием из вечности, как выразился герр Фишер. Блокнот рвали безжалостно, с силой, из корешка торчали обрывки серых суровых ниток. «Вечером погружусь в океан поэзии», – мысленно иронизировал Роберт.

Но ирония-иронией, а некий душевный трепет все же ощущался. Наверно, это случилось бы со всяким нормальным человеком, соприкоснувшимся с историей. И Роберт, типичный рациональный продукт двадцать первого века, должен был самому себе в этом признаться. Он был нормальным человеком, просто не любил демонстрировать чувства напоказ. Чувства, демонстрации которых от него ждали изначально и как бы подталкивали к этой демонстрации. Он не выносил никаких манипуляций собой.

* * *

Возвратившись домой, Роберт, не откладывая, начал знакомиться с творчеством своего деда. Немецкий, благодаря бабке Алме, он знал неплохо.

*Солнце безжалостно ко всему живому,
К человеку безжалостно оно вдвойне.
Втройне безжалостно – к солдату чужому,
Побежденному в этой войне.*

*С первым лучом – прячется все живое,
Куда же нам спрятать свои раны и боль?..
Греза прохладой, лесной и речною,
Бредем на карьер – добывать соль.*

Ну, это, конечно, поэтический образ, учитывая, что деду удалось пристроиться при кухне... Хотя... Может, это, так сказать, ранний период творчества?

Стихов было немного, не больше трех десятков. Одни длиннее, другие короче, из пары строк. Больше, наверно, не поместилось – в блокноте было всего двадцать листов. Господин Фишер сказал, что блокнот разорвали пополам. Либо дед другие свои стихи хранил в памяти, либо его творческий потенциал был невелик.

Да, не Гёте, однозначно. Хотя Роберт – тот еще ценитель поэзии! Имя еще одного немецкого поэта всплыло в памяти – и не Гейне, точно. Вот если бы речь шла о латышских поэтах, он вспомнил бы больше имен, все же в латышской школе учился.

Роберт бегло дочитал тетрадочку до конца: описание пейзажа (ну уж и пейзаж, сохрани, Господи!), выплеск эмоций (тоска по дому, чувство безысходности).

*Если ад существует, то мы в аду:
Пекло. Песок на зубах, соль на коже.
И с раскаленной сковороды
Пустьши – не выбраться мне, похоже!*

Пейзажа все же было больше. И – вот странность – любовная лирика отсутствовала совсем!

Что теперь делать с этим блокнотом? Не в музей же его нести? Детьми он еще не обзавелся и в ближайшем будущем не собирался, чтобы оставлять в назидание потомству. Роберт пока положил блокнот в нижний ящик письменного стола.

А вечером заглянул на огонек приятель-сосед Эрик, и Роберт предложил ему познакомиться с литературным наследием дедушки – немца, о существовании которого сосед до сей поры от Роберта и не слыхивал. Эрик был с поэзией на более короткой ноге. Во всяком случае, мог прочесть девушке при знакомстве несколько стихов подряд из школьной программы без запинки. Роберту не то чтобы была интересна его оценка, но хотелось с кем-то поделиться, вот странность! Какая-то смута жила в душе.

Эрик в темпе одолел стихи и вынес вердикт:

– Данте!

– В каком смысле?

– Путеводитель по аду. «Божественная комедия», слыхал?

– Ну а как же!

– Ты бы хоть съездил в эту Россию, что ли... По местам боевого бесславия, так сказать, твоего деда. Хотя не думаю, что климат там сильно изменился. Бр-р-р! Даже и подумать – некомфорт! Хотя вряд ли ты сейчас отыщешь там его следы. Их давно занесли песок и время! Уж, наверно, в этой их степи, где хоронили пленных, все бугорки сравнялись с землей.

– Делать мне больше нечего – ехать в Россию искать следы!

«Данте! – усмехнулся Роберт, проводив соседа. – Эх, замахнулся!»

Допустим, дед Генрих любил бабку Алму не меньше, чем Данте свою Беатриче. Но тот хоть посвящал своей итальянке стихи о любви. А в «собрании сочинений» деда Роберту не попало о любви ни строчки. Да и какая там любовь в тех условиях? Начинался новый день – и одному Богу было известно, доживешь ли ты до его конца. Либо пристрелит солдат в ушанке и валенках «при попытке к бегству», либо не дотянешь до вечера по причине истощения и приобретенной на российских просторах болячки, ставшей хронической.

Впрочем, какие валенки и ушанка, если в стихах – жара и зной, и иссушающие ветра? Хотя, ведь и зимы там у них, наверно, бывают тоже? Велика Россия.

А потом, может, до ухода на фронт дед в своем раннем творчестве и писал бабке Алме стихи о любви, и были они не столь корявы, как в творчестве позднего периода – о русских пейзажах? Жаль, конечно, что эта страница жизни его предков для него закрыта навсегда. Никогда не приходило бабке в голову делиться с внуком подробностями своей семейной жизни с немцем. Может, отцу что-то и рассказывала. Отец тоже этой темы никогда не развивал. Не те были времена.

Впав в лирическое настроение (или уже привыкнув за день к блокноту с дедовым поэтическим наследием) Роберт решил, что все же обязан сохранить реликвию для потомства. Когда-нибудь оно все равно будет, не век же ему в холостяках ходить. Да и мало ли, вдруг стихи, и в самом деле, представляют какую-никакую литературную ценность. Может, возникнет желание еще раз-другой перечитать дедовы стихи, и он согласится с высокой оценкой Эрика..

Тут, конечно, надо принять во внимание, что Эрик, проводя литературные параллели, имел в виду жанр, а не художественные достоинства. «Путеводитель по аду», да!

И почивал Роберт в эту ночь прекрасно.

* * *

А господин Фишер, наоборот, невзирая на чувство исполненного долга, мучился бессонницей. Он добросовестно пытался противиться очевидному: прочел мысленно все известные ему молитвы, считал до тысячи – сначала экзотических слонов, потом родимых зайцев. Насчитал стада тех и других, а мысли блохами скакали в голове параллельно его счету, прихотливо перескакивая с одного образа на другой, с одной темы на другую. Всплеск эмоций днем в его возрасте оборачивался ночной бессонницей. Да и чужая постель в его возрасте – испытание!

Роберт Петерсон... Как они все же отличаются, эти нынешние, от нас, прежних. Это естественно, конечно. Вечная проблема недопонимания поколений, отцов и детей! Родители из лучших побуждений прессуют отпрысков, желая вырастить их свободными от собственных недостатков. Дети об этих чистых побуждениях не догадываются или не верят в них и хранят в памяти весь негатив. Порой – параллельно с чувством благодарности, а иногда – даже крепче, чем светлые воспоминания. Взрослея и мужая, и наблюдая дряхление и слабость родителей, они незаметно для себя усваивают с ними тон пренебрежительной жалости, презрительного превосходства. Это биологический реванш.

Пауль старался добросовестно вспомнить, был ли ему самому свойственен этот тон в общении с отцом, и вздыхал с облегчением: нет! Он искренне любил отца, был воспитан в духе почтения и уважения к выпавшим на его долю страданиям. Его собственный сын – Уве – беседовал с Паулем в тоне досады и нетерпеливости довольно часто, вполне благовоспитанный молодой человек, не такой уж и молодой, сам трижды отец, два почти взрослых сына от первого брака.

Особенно нотки пренебрежения проскакивали, если разговор касался вопросов воспитания. Каждый родитель уверен, что не допустит ошибок, совершенных в свое время его родителями, и что у его-то ребенка не будет причин для обид. Родительских он, возможно, и не повторит, но еще не подозревает, что в памяти его собственного чада уже полнится копилка собственных отцовских ошибок, промахов, грехов. Его педагогическая плюха уже зреет, и не так далек день, когда подросшее чадо залепит ему этой плюхой.

Во втором браке Уве был женат на русской – Ларисе, и растил дочь Анну. Пауль с женой, обожавшие внучку, старались вырастить из нее благовоспитанную немецкую барышню. Тем сильнее был шок, когда однажды воспитательница в садике попросила родителей обратить внимание на манеры Анны. Она услышала, как девочка поинтересовалась у своего приятеля по группе, Руди:

- Ты умеешь драться?
- Да! – гордо ответил Руди, – а что?
- Можешь дать мне в пасть?
- Могу. А зачем?
- Чтобы зуб выпал. Штатается-штатается, зараза, а никак не выпадет!

Уве вкупе с Ларисой раздражались стариковской «дрессуре»: ребенок, в их понимании, должен расти непосредственным, раскрепощенным. В результате непосредственность и общительность Анны прекрасно уживались с благовоспитанностью. К примеру, она входила с мамой в автобус и обращалась к пассажирам:

- Здравствуйте все! А мы едем к доктору, везем на анализ мои какашки!
- Дурная русская кровь! – ворчала Магда. – Дикарка!

Лариса в свое время была вполне официально признанной красавицей: «Мисс Россия» какого-то там года. «Месть России», называл ее Пауль, поясняя:

– Мы когда-то пытались оккупировать Россию с оружием, а Россия теперь оккупирует нас мирными средствами.

Он подразумевал вообще русское нашествие последних десятилетий, волну русской эмиграции и миграции. Впрочем, он не мог отрицать и того факта, что Анне не чуждо и чувство прекрасного.

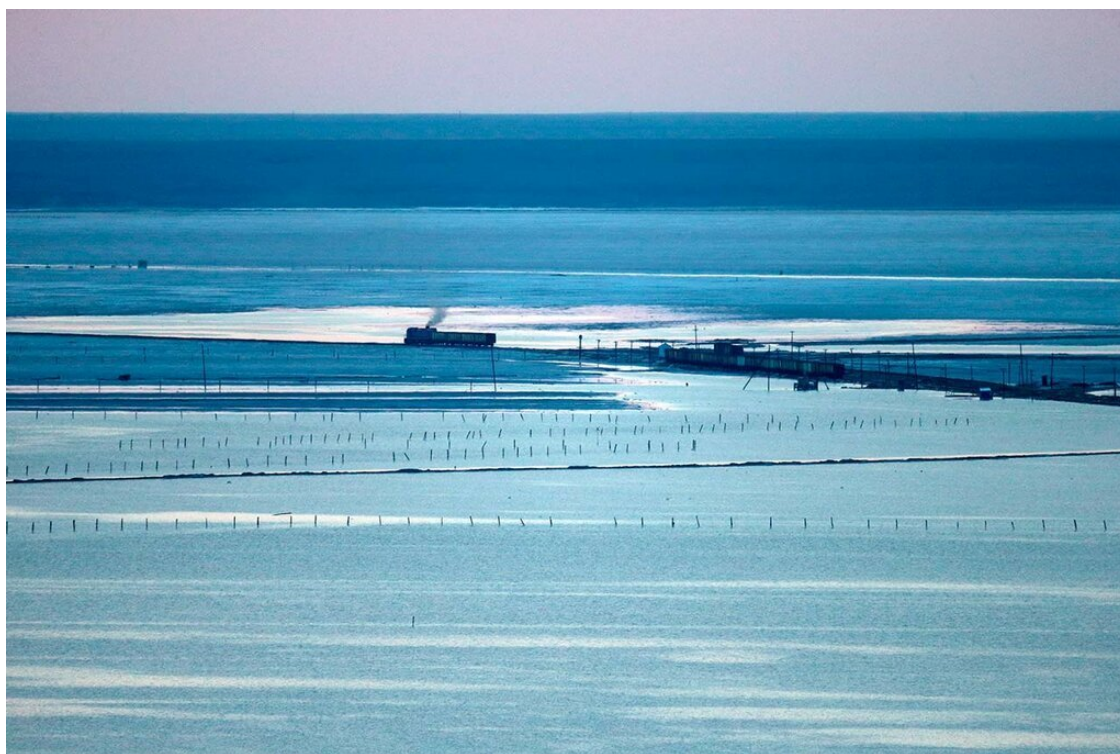
Как-то раз все семейство выбралось на выходные в Гамбург. На шумной оживленной улице на Ларису налетел какой-то мигрант и едва ее не сшиб.

– Прут, как бараны! – процедила сквозь зубы Лариса, продемонстрировав знание хорошего немецкого, но с российской ментальностью.

– Надо говорить: лезут, как пираты на сокровища! А как ты говоришь – некрасиво! – попеняла матери Анна.

Да, война с Россией... Тут Пауль сообразил, что якобы хаотично скачущие мысли обходными путями привели его к точке отсчета, первопричине его душевной смуты. Война, Россия, отец... Он перестал сопротивляться бессоннице, погрузившись в воспоминания. Воспоминания отца. Его рассказы, отпечатавшиеся в памяти Пауля накрепко.

ГНОМИК ЗОЛОТО ИСКАЛ

Лето 1944-го года. Лагерь военнопленных в прикаспийской степи, местами переходящей в полупустыню. На выжженной солнцем земле порой встречаются маленькие лесистые распадки. В одном из таких распадков, насчитывающем всего с десятков деревьев и кустарников, а также вокруг него – в балке, по-местному, расположился лагерь.

Чахлая благословенная растительность хоть как-то спасает от зноя. Правда, подальше, южнее, километрах в пяти-шести, голубеет лес, чудом явившийся в этих местах. Настоящий лес. Но кто же позволит поселить пленных в лесу! Местные говорят, что этот лес – пристанище для перелетных птиц, коих весной и осенью тут – неисчислимые стаи: утки, гуси, лебеди... Как велик лес и насколько далеко он тянется, можно лишь гадать.

Километрах в трех-четырех к западу от лагеря – соляное озеро, где пленные добывают соль. Местные, опять же, говорят, что глубина залегания соли не меньше пяти километров. В некоторых местах по поверхности озера можно ходить, как посуху, настолько она твердая. А если бы кто-то из пленных вздумал искупаться – если бы ему кто-то разрешил! – тело просто вытолкнуло бы на поверхность из-за высокой концентрации соли. В этом озере даже если захлебнёшься, то не утонешь.

Вдали, в южной стороне, ближе к лесу, розовеет гора. Она сама по себе – соляной купол. А розовая из-за вкраплений самых разных минералов. Бурого железняка, меди, яшмы... Местные говорят (местные – русские и казахи, осевшие давным-давно в этих краях, а теперь работающие вольнонаемными на солепромысле), что гора – это настоящий склад полезных ископаемых.

Сначала часть пленных добывала соль именно в горе. Потом приехали геологи, бурили шурфы, брали пробы, проверяли состав минералов – что-то искали. Немцев из горы эвакуировали, соль стали добывать исключительно из озера. Того, что искали в составе залежав-

ших в горе минералов, геологи не обнаружили. При этом выяснилось, что запасов мела, гипса, кварца, известняка, песчаника там – завались.

Прорубленные шурфы и природой созданные котловины постепенно заполнились какие пресной водой, стекающей по трещинам в слоях породы после дождей и снега, а какие – солевой, выступавшей из почвы. Из одного такого пресного озера и набирали воду во фляги Генрих с Андреасом.

До ближайшего озерка необходимо было пройти сквозь череду карстовых пещер, чертивших гору извилистыми лабиринтами. Генрих дорогу освоил хорошо – он работал сначала в том самом отряде пленных, добывавших соль в горе, пока не сподобился попасть на кухню. Заплутать в пещерных лабиринтах было несложно, даже зная дорогу. Или оступиться – и свалиться в котловину, заполненную водой.

Соленые озера соседствовали в горе с пресными. Шахтерские фонарики, закрепленные у водоносов надо лбом, скупо освещали их путь, но не в силах были одолеть глухую пещерную темень. Генрих рисовал знаки на стенах, регулярно их подновлял и по этим знакам ориентировался. Он и Андреаса пытался обучить своим премудростям, но тот, помимо клаустрофобии, страдал еще и топографическим кретинизмом.

Отказаться лазить в пещеры он не мог. Боялся, что у его друга и спасителя лопнет терпение пахать за двоих, и он попросит другого помощника. Чем бы Генрих мог свою просьбу мотивировать?! Ленистью, то есть саботажем, Андреаса? Чем бы это закончилось для Андреаса даже в лучшем случае? Желających занять его место подсобника на кухне хоть сегодня – пруд пруди. А солепромысла он долго не выдержит...

Превозмогая себя, обливаясь липким потом страха, он тащился за Генрихом, сцепив зубы и почти обеспамятев. До того ли ему было, чтоб смотреть по сторонам, запоминать последовательность пещер, считать количество шагов и замечать Генриховы отметины на карстовых стенах? Он влачился сзади, поддерживаемый одной мыслью: скорее заполнить фляги и – на волю, на свет!

Перетаскивал фляги с водой к выходу из пещеры Генрих. Хотя и оставаться в пещере одному было для Андреаса пыткой, все же он был занят работой, торопился покончить с ней побыстрее, да и приходилось быть крайне осторожным, чтобы, черпая воду, не свалиться, оступившись, в озеро. Пока его старший напарник вернется за очередной флягой, уже и кругов на воде не останется – плавать Андреас не умел, а вода была ледяная.

Обратный путь казался короче, а там – погрузить фляги с водой в телегу и передохнуть, привалившись спиной к скале, подняв лицо к солнышку, которое после пещерного давящего мрака казалось таким ласковым, а не обжигающим! Казалось, от его лучей тает ледяной комок ужаса, застывший в груди. Хотя привыкать к солнечному свету после длительного пещерного мрака надо было постепенно, и они выползали на поверхность прижмурившись, чтобы не ослепнуть.

Счастье, что эти поездки случались не каждый день. Воду вменялось возить только для кухни, где использовали ее в качестве питьевой и готовили на ней еду для начальства и охраны. У офицеров, командовавших лагерем, было сильное предубеждение к той теплой воде с ржавым привкусом, которую для технических, так сказать, нужд доставляли цистерной с железнодорожной станции. Поэтому работников кухни и гоняли в пещеры, и те набирали чистой воды с запасом, хотя бы на пару дней.

Маленькая станция, затерявшаяся в песках, располагается к востоку от лагеря военнопленных, километрах в десяти. Мимо нее по-прежнему проносятся эшелоны и товарняки, хотя война идет к концу. Население уже не прислушивается напряженно, когда погромыхивает: отвыкли от канонады. Гроыхать теперь может только гром.

Начальник станции пару раз в неделю, по вечерам, приезжает на раздолбанном газике в гости к начальнику лагерной столовой. Тот, что называется, един в трех лицах: еще и главный повар и завскладом. Они с железнодорожником вроде бы какие-то родственники.

В тот день ужин закончился позже, чем обычно. Громыхало с утра, но дождя все не было. В этих краях так часто бывает: грозы не всегда кончаются благословенным дождичком. Погремит-погремит – и укатится в сторону. И видно, как где-то далеко-далеко косым столбом падает дождь. Кому-то другому повезло.

Но ближе к вечеру небо все же обрушилось библейским ливнем. Возвращающихся с соле-промысла пленных он прихватил уже на подходе к лагерю, но на них нитки сухой не было, когда вернулись. Разрешили переодеться, кто во что смог – порядки на то время уже стали мягче, чем в начале войны. Кому охота возиться с заболевшими?

Потому немного и припоздали. Генрих с Андреасом, наводившие порядок в кухне и столовой после ужина, соответственно, тоже задержались с уборкой. Еле успели к вечерней проверке, хоть и ее тоже немного сместили по обстоятельствам. Летний день долог.

Вроде бы в сухих песках обитали, а грязи в столовую пленные земляки натащили достаточно! Андреас уже заканчивал уборку кухни, когда явился в гости к родственнику начальник станции – красномордый кабанчик с мощной шеей. Неплохо подкармливал его родственник, Генрих сам не единожды относил в газик свертки с продуктами.

Железнодорожник был человек военный, по крайней мере, ходил в военной форме, и звался – Петр Степанович. Кухонное начальство Генриха звалось – Семен Васильевич. Они друг к другу обращались – Степаныч, Василич. Василич был помоложе, но вел себя покровительственно. А как же, кормилец!

Андреаса, закончившего наводить порядок на кухне, он вскоре отпустил, а Генриху, драившему полы в столовой, приказал:

– Давай, пошевеливайся! Заканчивай тут – и свободен!

До Генриха у него старшим в подсобниках пребывал Отто Винер, а Генрих тогда был помощниками у Отто. Но вскоре Отто поймали на краже продуктов. Он тогда обхаживал переводчицу Клаву, дебелую грудастую деваху, кровь с молоком. Клава, наверное, на ухажера и «стукнула», от греха подальше, хотя несмелые намеки смазливой немца принимала, вроде бы, благосклонно. По крайней мере, так выглядело в изложении Отто.

Генрих его недолюбливал. Отто отсидел в карцере месяц – довольно мягкое наказание для голодных военных лет, можно было под плохое настроение начлага и под расстрел попасть. Вместо Клавы прислали переводчика – пожилого хромого капитана, комиссованного после тяжелого ранения.

Отто божился, что ничего не крал (интересно, как бы он, действительно, это провернул?), а начальник кухни сам имел виды на переводчицу и решил проблему как мог, устранил соперника без шума и пыли. Вышел притихший, и только зубами скрипел, когда кто-нибудь из ребят начинал хохмить на эту тему. С тех пор работал в карьере на соледобыче, как все, и помалкивал. Только однажды как-то у него вырвалось: подожди, русская свинья, всему свое время!

После инцидента Василич повысил Генриха в должности, а в помощники себе Генрих выпросил Андреаса, соседа по нарам, с которым сдружился. Тот после ранения все никак не мог оправиться и потихоньку загибался в соляном карьере. Смертность была высокая. Даже отдельное немецкое кладбище в степи образовалось, холмики торчали.

Василич в свое время остановил выбор на кандидатуре Генриха Шеллерта из-за знания им русского языка, взял на кухню. За переводчиком всякий раз не набегаешься, а по-немецки Василич не разумел. Генрих знал русский не так чтобы очень, на уровне разговорного, да порой и в разговоре не все понимал, но достаточно, чтобы понимать приказы своего начальника и их исполнять. Позже Василич оценил и добросовестность нового кадра, и его честность, и мол-

чаливость, и пошел у него на поводу, согласившись затребовать для работы на кухне Андреаса Фишера.

В тот злополучный вечер Генрих в столовой быстренько все закончил и направился к кухне, где за закрытыми дверями расположились за пиршественным столом Василич со Степаныхем. Подошел – и замер. Из-за тонкой фанерной двери доносились голоса уже хорошо разогретых родственников. У выпивших людей что-то происходит со слухом, и они произвольно повышают голос. Это была не ссора, не разборка, это был диалог.

Генрих позже думал: почему его сверхбдительный и подозрительный начальник не удостоверялся в уходе подчиненных и не вышел запереть входную дверь в столовой? Либо виной тому был ливень, из-за которого сместился по времени ужин с гостем, и родственники активизировали процесс приема пищи и питья, наверстывали. Увлечшись, Василич запомнил про своего подчиненного за стеной. Либо, отдав приказание Генриху – заканчивай и свободен! – он был уверен, что того уже и след простыл.

Дисциплинированный же Генрих вздумал доложить о своем уходе. Он уже поднес руку к двери, чтобы постучать, но все медлил, не решался нарушить дружеское застолье. Прогневишь начальника – себе дороже, завтра будет гнобить весь день, придирается к любой мелочи.

– Пригнали они эшелон уже ближе к вечеру. И сразу один вагон на запасной путь, – рассказывал Степаных. – И солдата возле двери для охраны. Но главное, лейтенант с вагоном остался! Бумажками перед моим носом трясет, пистолетом размахивает – дело, мол, государственной важности, пристрелю, мол, за неисполнение!

– Ну? А ты?

– Я тоже копытом бью, на цырлах перед ним бегаю – понимаем, мол, будет исполнено! Как будто все остальное, все проходящие через меня эшелоны – не государственной важности! И как будто мне до него пистолетами не грозили! Бабушку свою пугай, я мы пуганые...

– А как же тебе в ум-то пришло?

– Ну, не пальцем же деланные, не первый день на свете живу! Я на своем месте всего посмотрелся! Каких только составов не собирал, с чем только не отправлял эшелоны. Уж я знаю, что просто так вагон не отцепят, и целого лейтенанта госбезопасности не приставят!

– Ну, а потом?

– Потом...

За те пару-тройку минут, что он стоял под дверью, Генрих кое-что из разговора уяснил. Не слишком много, но вполне достаточно для того, чтобы понять – надо немедленно сматываться, безо всяких докладов. Иначе для него все это может очень плохо закончиться.

Он сделал шаг назад. Проклятая половица под ногой скрипнула. Они, наверно, и раньше скрипели при каждом шаге, но кто на это обращал внимание! Днем их не было слышно!

Генрих застыл в ужасе, даже голову в плечи втянул. Но дверь в столовую не распахнулась. Следом за скрипом половицы, даже, пожалуй, одновременно с ним, раздался грохот чего-то тяжелого, упавшего в кладовой. Бабахнула другая дверь, распахнутая мощным рывком, – та, что вела напрямик из кухни в кладовую. Попасть в нее мог только сам хозяин, Василич, ключи были лишь у него.

– Ах ты, падлюка! Свинья фашистская! Подслушивать вздумал! – раздался рев повара и глухой удар.

Под этот рев Генрих вылетел из столовой, словно по воздуху, и ни одна половица под ним больше не скрипнула. А может, они и пели дружным хором, но Генрих их не слышал.

Так иногда в ночных кошмарах снится, что ты от кого-то убегаешь, а ноги налиты свинцовой тяжестью, и их невозможно оторвать от земли. Ты в ужасе и отчаянии – тебя уже настигают, тебе конец, даже руками пытаешься переставлять ноги! Но вдруг в какой-то момент они начинают тебе повиноваться, и шаги твои становятся широкими, бег легким. И вот ты, убегая от смертельной опасности огромными шагами, вдруг ощущаешь, что уже не по земле бежишь,

а по воздуху. Именно бежишь, пружинисто отталкиваясь, а не летишь. В тот миг Генрих вдруг стал невесомым, только чувствовал, как колотилось сердце и бухала кровь в голове. Как раз успел к поверке.

Зато на вечернюю поверку не явился Отто Винер. Началась канитель, повторные переключки, проверки барачков, прочёсывание хозблока и промзоны.

Утром на двух грузовиках приехали люди с автоматами из НКВД, а на стареньком «Виллисе» – трое мужчин в штатском. Может следователи, а может и госбезопасность, которой русские так любили пугать друг друга. Начальник лагеря, по крайней мере, вытянулся перед ними в струну и беспрекословно командовал, кого приводить в его кабинет по первой их просьбе.

Видимо, охрана, дежурившая на вышках вечером, рассказала обо всем, что видела. Вскоре Василич в сопровождении конвоя отбыл в машине НКВДшников, а люди в костюмах убыли вместе с начальником лагеря. Стало ли что-то с железнодорожником, Андреас и Генрих не узнали никогда, но та же охрана наверняка доложила о вечернем визите начальника станции к повару, да и о прежних его визитах тоже. А также о том, что Василич с родственником грузили в его газик что-то громоздкое, затем уехали оба, а потом повар вернулся один, уже очень поздно. А перед этим из столовой доносился шум драки.

Лагерь полнился слухами, но рассказать что-нибудь о происшествии могли только они двое, работавшие при кухне. А они достаточно хлебнули лагерной жизни, чтобы упорно твердить, что в тот вечер были отпущены пораньше, а потому – абсолютно не в курсе случившегося. Причем, Андреасу и врать-то не требовалось. Их обоих хорошо потрепали, и спасло только то, что оба были на месте во время вечерней поверки, а драка на кухне происходила, по свидетельству охраны, как раз в это время.

Прибывший на замену Василичу новый повар, к их великому счастью, не стал делать «штатных перестановок», а оставил Генриха с Андреасом при кухне.

Измаявшийся Генрих только через несколько дней скупно, без подробностей рассказал напарнику, чему стал свидетелем. И потом дозировано, порциями выдавал информацию, когда они сидели под скалой, привыкая к свету и отдыхая после пещеры, перед тем, как тронуться в обратный путь с полными флягами. Информацией были, в основном, его догадки. Он вспоминал случившееся в столовой, сопоставлял с услышанными когда-то в соляном карьере разговорами местных о большом взрыве на станции, их предположения по этому поводу. Местные часто говорили между собой о всяком-разном, не подозревая, что кто-то из немцев их понимает. Теперь Генрих сводил концы с концами.

По словам начальника станции, в 1942 году, когда немецкая армия уже была совсем близко, на станцию пригнали эшелон. Его эвакуировали в тыл, на восток. Путь через Сталинград был то ли уже отрезан, то ли вот-вот мог оказаться под обстрелом, поэтому гнали ценный груз по южному пути, на Астрахань. И надо же было так совпасть, что именно в этот день пришли на станцию вести о прорыве немецкого танкового соединения в Калмыкии, под Хулхутой. Это означало, что дальше поезд двинется на свой страх и риск: безлюдными степями враг может пройти незамеченным куда угодно. Не исключено, что на полдороги к следующей станции танки с холма расстреляют вагоны с беженцами прямой наводкой.

Тут-то и появился в кабинете заполошный сопровождающий, старший лейтенант госбезопасности. По его требованию от эшелона отцепили опломбированный спецвагон и загнали в тупик, состав же отправился дальше. Офицер предъявил бумаги за высокими подписями и печатями, в которых непрекаемо требовалось оказывать старшему лейтенанту Краснобоярову всемерное содействие в выполнении государственного задания. А задание было простое – спрятать посреди голой степи вагон с государственными ценностями.

Тыча пальцем в карту местности, сопровождающий излагал свою идею, как исполнить приказ. Вагон нужно было загнать в старый песчаный карьер, используя проложенную туда

временную узкоколейку. А затем засыпать карьер песком, подорвав крепления на опалубке, чтоб ни одна собака не пронюхала.

Всё это Краснобаяров обрисовал, чередуя мат с угрозами, – собственной головой отвечаешь! В вагоне, сказал, музейные экспонаты особой ценности и документы. Подрыв нужно было произвести ночью, обеспечив операции повышенную секретность. Его, начальника станции, задача – экстренно организовать проверку и спешный ремонт времянки-узкоколейки, а при нужде, если вагон не пройдет, перекладку рельса для расширения пути. Потом, после завершения операции, потребуется немедленно всю линию демонтировать. Перегружать ценности из вагона нельзя ни в коем случае!

Пожав плечами, узкоколейку Степаныч с сыном, двумя станционными рабочими и стариком-обходчиком подготовили сами. Подходящий карьер располагался неподалеку, делать почти ничего не пришлось, дня хватило. Вагон отправили в последний путь накатом, своим ходом под откос.

Дело шло к вечеру. Ломать не строить, разбирать пути можно и в темноте. Подрывать после окончания работ собирались сам Краснобаяров и тот молоденький сержант, охранявший вагон.

Немцы были совсем рядом, думал Степаныч, раз такая паника и уже ценности в степи бросают, лишь бы в чужие руки не попали. От этих, родных мест до Калмыкии – рукой подать, того и гляди, линия фронта прокатится здесь и уйдет дальше на восток. Что будет с ним самим, с его семьей? Один Бог ведает.

Случись что, головой он отвечал бы в любом случае. Хоть перед одной стороной – если успеет эвакуироваться, хоть перед другой, если не успеет. А коль уцелеет, как тогда они будут жить-выживать с семьей в чужих местах?

Степаныч долго сомнениями не мучился. Подлил в чай Краснобаярову снотворного (не слишком много, чтоб у лейтенанта, не дай бог, не возникло какого подозрения). Того после обеда быстро сморило. Он так вымотался за последнее время, двое суток не спал, и пожалуй, можно было бы обойтись без снотворного. Но пусть, для верности.

Потом отнес супа в котелке сержанту к вагону. И тоже – того самого чайку. Бессловесную свою жену Степаныч поставил на стреме возле лейтенанта, чтоб прибежала, если тот начнет проснется. А сам с четырнадцатилетним сыном прокрался к вагону. Дождавшись, когда сержанта тоже сморит, оторвал несколько досок в днище вагона и, протиснувшись в щель, наскоро обследовал ящики. Выбрал два, что потяжелее, да ближе стояли.

О каких-таких бумагах болтал Краснобаяров? Во всяком случае, в выбранных ящиках были не бумаги. Кое-как Степаныч спустил их вниз сыну, чуть жилы не лопнули. И ведь не прогадал! Конечно, в других ящиках тоже могло быть что-то ценное, но курочка по зернышку клюет. И не мог же он содержимое всего вагона перетаскать за отпущенное ему время! Потом заделал дыру кое-как, а добычу свезли с сыном в сарай.

– А снотворное-то где взял?

– Жена бессонницей мучилась с самого начала войны. Взрывов боялась, канонады... У нее в садике всяких травок целебных полно растет, любит она это дело. Вместо цветов – валерьянка, там, душица, пион, кипрей... Я и названий-то всех не знаю. Она состав себе делала. Никакая канонада не беспокоила, спала, как сурок.

Лейтенант соврал, а может, и сам толком правды не знал. Кто бы стал ему докладывать, мелкой служивой сошке! Ценности-то в вагоне были, но не музейные экспонаты. Скорее всего, банк эвакуировали, потому и боялись не проскочить. В тех ящиках, что умыкнул Степаныч, уложены были золотые слитки.

Краснобаяров со сна был словно чумной, но объяснял себе это хроническим недосыпом. Сержанта Степаныч еще раньше разбудил, поклялся не выдавать его, уснувшего на посту, опасному в гневе командиру. Вагон засыпали благополучно. Отобрав у всех участников опера-

ции подписки о неразглашении государственной и военной тайны, Краснобаяров с сержантом отбыли на попутном эшелоне. А позже пришла весть, что тот поезд уже под самым Сталинградом попал на глаза пилотам немецких «Штук». Юнкеры в два захода превратили состав в пылающие обломки.

Степаныч с сыном следующей ночью перевезли ящики, от греха, подальше от села, к горе. Там в одной из пещер и укрыли неподалеку от входа. Во-первых, чтоб далеко не углубляться, все-таки с тележкой вниз не спустишься, а на себе тяжело тащить. Во-вторых, не настолько он хорошо под землей ориентировался. Да и время поджимало, нужно было срочно возвращаться на свой хлопотный пост.

Степаныч родом был из этих мест, немножко знал пещеры. Пацанами, случалось, лазили, несмотря на строжайшие родительские запреты. Решил, сейчас тут живой души нет, а при первой же оказии можно перепрятать понадежнее.

И позже, действительно, перепрятал. Как только дождался контрнаступления, так и озаботился. Оказалось, своевременно: вскоре на гору пригнали толпы пленных немцев, а там и геологи понаехали, все чего-то в горе ковырялись.

– Ближе тебя, Василич, у меня человека нет, – говорил Степаныч за последней своей пирушкой. – Жену с пацанами я тогда же отправил к ее родне в село, в степь. Всем соседям говорил, что на Урал, к своим родственникам отправил. Велел рты там лишний раз не разевать. Да они у меня и так не из болтливых. Я думал, если прорвут немцы фронт, может казахов не тронут. Но обошлось. И насчет вагона тишина, хотя за таким грузом явиться давно должны были! Видно, сгинул Краснобаяров с тем эшелонем. Но сам понимаешь, по лезвию бритвы хожу. Да ведь все для семьи! Так что слушай: война не завтра кончится, и если что со мной – ты найдешь и владей. Там не только тебе, там и твоим внукам хватит, но только чур и про моих не забудь! Ради них башкой своей рисковал!

– А в какой пещере-то? Их там, говорят, с полсотни!

– А я покажу! Вглубь особо далеко забираться не надо, но немного поплутать придется. Надо нам с тобой в ближайшее время выбраться туда, лучше ночью. Проверить, как оно там. Может, и перепрятать надежней. Как-то мне в последнее время не по себе, муторно что-то на душе. Сны дурацкие стали сниться. В общем, покажу тебе местечко, а потом к своим попробую вырваться хоть на денек.

– Это ты просто без бабы заскучал! Ты что, бабы себе тут найти не можешь?! – загоготал повар. – К жене торопишься, надо же! Хоть русскую, хоть казашку – сейчас все голодные без мужиков!

– Дурак ты, Василич, хоть и родственник. Я свою жену люблю. И по пацанятам соскучился. Так сумеешь вырваться? Ты же человек подневольный!

– Ради такого дела, да не сумеешь? Что-нибудь придумаю. Степаныч, ты ведь мне до гробовой доски – и брат, и отец родной!

– Дай бог, чтоб ты об этом всегда помнил!

– Я-то? Всю жизнь!.. Всю мою оставшуюся жизнь, Степаныч! Напомни, когда это я тебя подводил хоть раз?

– Нет, Василич, за что я тебя уважаю – такого раза еще и не было!

В этот самый момент в кладовке что-то упало.

* * *

Барак, в котором располагались кухня и столовая, имел форму русской буквы «Г». Меньшая его сторона была кухней. В одной из стен вначале были прорублены три окна, потом одно забило наглухо крепкими досками, а два других зарешетили. В небольшом закутке, где окно было забито, выгородили угол и устроили кладовую, уменьшив тем самым кухню. Вдоль двух стен в кладовке протянули стеллажи для продуктов, возле одной стояли бочки.

Отто, работавший при кухне несколько месяцев, знал про эту нехитрую перепланировку. Вероятно, он решил осуществлять свою месть по принципу: уж если назвали вором, так пусть хоть не зря! И – с пользой для себя.

Каким-то образом он сумел постепенно отодрать нижние края пары досок на окнах. Приладил на место так, чтобы и заметно не было, и можно было легко сдвигать. Помогло ему все это проделать, вероятно, то, что к этой стене барака можно было подобраться незаметно для охраны на вышке, угол не просматривался.

Потаскивал ли он продукты раньше и где умудрялся их съесть (ведь это тоже надо было осуществлять незаметно), или это была его первая операция, никто никогда не узнал. Подслушанный разговор обрек его на смерть. Если он вообще мог что-то слышать за стенами кладовой, скрючившись за бочками в три погибели и едва дыша. Да и насколько хорошо он знал русский, чтобы понять, о чем идет речь? Этого Генрих не знал, они общались только по делу. Между ними существовала взаимная антипатия.

Потом, используя короткие передышки перед обратной дорогой с флягами в лагерь, Генрих с Андреасом мечтали. Вот окончится война, они останутся живы, их вернут домой... Все успокоится и начнется мирная нормальная жизнь. Они когда-нибудь вернуться в Россию, приедут в эти Богом проклятые места и найдут в пещере ящики с золотыми слитками. Вывезут их домой и будут жить припеваючи всю оставшуюся жизнь. Это будет их наградой за эту проклятую войну.

Вынырнув из золотого тумана, переглядывались и начинали хохотать. Высшей наградой для них будет – остаться в живых и возвратиться. А золото... Это не их золото. Да и кто их сюда пустит, бывших оккупантов, солдат армии страны-захватчика! Если это и станет возможно, то очень-очень не скоро.

А если бы даже им удалось сюда вернуться, как искать иголку в стоге сена?! Полсотни пещер, это целую спелеологическую экспедицию надо будет снаряжать. И даже если найдется золото, кто позволит его отсюда вывозить через границу? Посмеявшись и передохнув, они возвращались в лагерь.

А потом лагерь военнопленных на соляном озере расформировали. Было ли это следствием истории с убийством заключенного, то ли действовали какие-то другие процессы – неизвестно. Сначала ужесточили режим, Андреас и Генрих больше не могли наведываться в пещеры. Потом при сортировке они были распределены на разные новые объекты. Сразу же после окончания войны началась репатриация пленных, уже в конце 1946 года Андреас Фишер вернулся на родину. Следы Генриха Шеллерта и его семьи он искал потом всю жизнь, но тщетно.

* * *

Пауль Фишер счел лишним посвящать внука Генриха в эти драматические подробности, водить по историческим и авантюристическим дебрям. Как и его отец, он считал пережитую Андреасом и его другом историю завершившейся еще тогда, в 1944-м.

Конечно, Роберт Шеллерт-Петерсон не произвел на него впечатления человека, способного на авантюру. Но если даже он и заблуждался в отношении Роберта, то не считал разумным будить бредовые, напрасные надежды в молодом хлыще. Зачем?

Вполне возможно, что не настолько хорошо владел Генрих русским, чтобы правильно понять услышанное. Мог треть недослышать, треть додумать, а то и вообще выдумать всю историю. Например, чтобы поддержать ослабевший моральный дух своего товарища, впадающего в отчаяние.

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ЖИЛИ МЫШКИ НА КВАРТИРЕ

Денек сегодняшний у Зои Васильевны выдался насыщенным.

Обычно ведь как бывает: летние дни тянутся бесконечно, словно резиновые. Они проходят – одинаковые, как близнецы-братья, без особых событий, однообразные, по заведенному ритуалу. И вдруг как плотину прорвет: враз о тебе вспоминают родственники и знакомые, звонят один за другим, спрашивают о здоровье. В один и тот же день, как стоворившись, и без тебя им – жизнь не в жизнь!

Телефон не умолкает. Звонят и не очень близкие, и не очень приятные люди, нарушая установившийся порядок и отрывая от повседневных дел. И с чего бы это вдруг, какая муха всех массово покусала?

Или идешь себе, допустим, тихо-мирно на рынок в такой вот баламутный денек, и одного за другим встречаешь знакомых, которых уже сто лет не встречал. Уже даже начинаешь думать, что их вообще нет на этом свете, по причине преклонного возраста. А они, оказывается, живы, хоть и не совсем здоровы, что естественно в их возрасте. И они демонстрируют такую пылкую радость от встречи, даже неловко! Хотя, вроде бы, и не с чего радоваться, не такими уж тесными были отношения. Порой, отнюдь не теплыми или радужными.

Наверно, это потому, что редуют близкие ряды. Верней, ряды редуют близких, то есть сверстников.

И вот начинается обмен информацией: у кого что болит, и кто чем лечится, и про неблагодарных детей, и про бездушных чиновников и врачей-взяточников, и про общих знакомых, которые уже действительно ушли в лучший мир.

И возвращаешься домой уже ближе к обеду, переполненный эмоциями. В основном, положительными, но и легкая досада присутствует, поскольку все дневные планы летят к

чертям. А потом – бац! – среди ночи просыпаешься, как от толчка, и лежишь, таращишься в потолок. Голова ясная, сна ни в одном глазу, и пережевываешь-перемалываешь дневные встречи. Мысли по поводу роятся, как бабочки, вокруг головы. Или как карты в компьютерном пасьянсе, когда удастся собрать колоду.

И мысли-то умные, продуктивно-конструктивные, в дневной круговерти такие в голову не приходят. И планы какие-то нереальные, которые в ночной бессоннице кажутся такими осуществимыми! Но попробуй днем вспомнить, о чем ночью думала, половины не вспомнишь.

Вот и сегодня.

Зоя Васильевна Конева, немолодая женщина, давным-давно преодолевшая пенсионный рубеж, с работой распрощалась не так давно, в силу обстоятельств. Но, вопреки собственным опасениям, фактом этим не опечалилась и вкушала сладкие плоды заслуженной свободы: спала утром подольше, если ночь выпадала бессонная, ненавистную рутинную домашнюю работу делала не спеша, не откладывая на завтра то, что можно сделать послезавтра. Будучи безумным читателем, в промежутках между делами читала запоем. Пару-тройку раз в день она включала телевизор, капризничая и смакуя передачи, как истинный гурман.

Сегодня с утра, переделав до завтрака несколько неотложных утренних дел и приготовив немудрящий завтрак, она уселась перед телевизором, предвкушая два удовольствия одновременно. Первое: салатик из моркови, яблока и изюма, со сметаной, и большой бокал растворимого кофе с молоком и булочкой с маком – пища телесная. Второе – пища духовная: в этот день местный канал показывал ее любимую передачу «Путешествия по родному краю».

В родном краю она прожила жизнь, практически никуда не выезжая, но из передачи узнавала некоторые вещи, про которые до этого знала весьма приблизительно или не знала совсем. Сегодня проводили с телезрителями заочную экскурсию на знаменитое соляное озеро Тускел и расположенную вблизи него гору Басит-ола.

«...Когда-то, много лет тому назад, посетил берега Волги великий Далай-лама», – напустив в голос подобающей таинственности, вещала теле-гид, сухопарая дама под сорок, смуглая, как цыганка, и с крупной родинкой на щеке.

– Ну и голосок! – уже по привычке вслух подумала Зоя Васильевна, – «когда б еще и петь была ты мастерица... Иван Андреевич Крылов».

У каждого – свои недостатки. Невинной слабостью Зои Васильевны было цитирование людей великих. Она охотно делилась с другими чужой мудростью. Чужая мудрость очень часто выражала ее мироощущение, но была уже сформулирована. Собственные же ощущения бродили по организму неприкаянно, не оформленные словесно. Стоило ли мучиться, оттачивая формулировки, когда есть уже готовые?

«...И Волга, и приволжские степи понравились ему, – с энтузиазмом продолжила телегид, – но очень тосковал он по родным горам. И надумал исправить ошибку природы, поместить в степях хоть одну гору. Отправил Далай-лама на Урал двух своих монахов-богатырей с заданием: принести к берегам Волги камень величиной с гору.

Два брата-монаха отправились на Урал, взвалили себе на спины гору и много дней и ночей несли ее. И уже почти донесли, да встретила их на пути юная прекрасная казашка. Младшего брата одолели греховные мысли, и Бог покарал его: выскользнула гора из его ослабевших рук, и не смог монах-батыр удержать ее. Старшему же брату не под силу было держать гору одному, и она обрушилась на братьев и раздавила их. Склоны горы окрасились кровью монахов, а земля не выдержала мощного удара, и трещины разошлись во все стороны, превратившись в степные балки и пещерные ходы.

Далай-лама горько оплакивал своих сподвижников, и слезы его заполнили котловину, расположенную невдалеке. Потом вода под палящим южным солнцем высохла, остался густой рассол – рапа. Потому и назвали люди образовавшееся из слез озеро Тускел, тус – соль по-казахски, а кел – озеро.

А упавшая гора, от которой при падении откололись куски, стала напоминать своими очертаниями голову собаки и получила название Басит-ола, бас – голова, ит – собака».

Полного, стопроцентного кайфа от передачи получить Зое Васильевне не удалось: за забором, у соседей слева, происходила баталия. Телевизор не мог заглушить звуков сражения, поскольку окна были открыты из-за жары круглые сутки – скорее по традиции, чем в слабой надежде на возникновение какого-никакого сквознячка. Палило немилосердно уже с утра.

– Поведешь на Волгу?! – визгливо выкрикивал Данька, шестилетний внук соседки Любы.

В крике Данилы звучали жажда бури, сила гнева, пламя страсти и уверенность в победе, как у Буревестника пролетарского писателя Максима Горького. Люба мирно бубнила в ответ что-то успокоительно-неразличимое.

– Я не хочу после обеда! Я хочу сейчас! Я умру до «послеобеда»! – верещал Данька.

Люба все бубнила.

– Не хочу я твоего борща! Я купаться хочу! И мама с папой тоже не хотят! И ничего ты им не скажешь! Я сам им скажу, что ты меня обижаешь!

– ... паршивец! – прорезался голос Любы. – Ты хочешь меня с ума свести?!

– Это ты меня сведешь! Я тут сопрею до послеобеда! Вот они придут с работы, а я тут уже сопрел и с ума сошел!

– Катись отсюда! Сказано тебе – после обеда!

Данька, судя по всему, укатился. Но недалеко.

Бух-бух-бух! – после минутной тишины донеслось с соседского двора. Зоя Васильевна не удержалась – выскочила на крылечко посмотреть, что за «бух» такое. Как раз реклама началась.

У Любы, как и у нее самой, в огороде стояла банька. У стены бани, под навесом, была сложена аккуратненькая поленница дров, довольно высокая. Дома уже давно отапливались газом, а бани у многих – дровами, по старинке. На самом верху поленницы стоял Данька, возвышаясь над забором в полный рост (и как забрался?) и методично, не торопясь, швырял по полешку вниз.

– Ах ты стервец! – заголосила тоже выскочившая на «бух» из летней кухни Люба. – Что ж ты творишь! Отец полдня укладывал! Слезай немедленно!

– Поведешь на Волгу? – хладнокровно поинтересовался мерзавец, приостановив на время процесс разрушения поленницы.

– Шиш тебе, а не Волга! Теперь и вообще не поведу! И после обеда не поведу!

Два полешка последовали на землю одно за другим.

Люба взывала, словно пронзенная острой зубной болью.

– Слезай, убоище!

– Поведешь?!

– Тем более не поведу!

Нашла коса на камень! Соседки недаром уверяли Любу, что внук – ее копия, как из глаза выпал. В их конкретном случае, видимо, содержание соответствовало форме. «Два ишака!», – резюмировала Зоя Васильевна и убежала в комнату, как раз реклама закончилась.

«Немало легенд, связанных с озером и горой, – продолжила телеэкскурсовод, – родилось уже во времена, к нам более близкие. Народная молва донесла до наших дней слух о том, что в дни Сталинградской битвы на станцию Тускел прибыл таинственный эшелон с ценными экспонатами из музеев осажденного города, в том числе украшениями из скифского золота. Отправить эшелон дальше в тыл не успели, и он бесследно исчез.

По другой версии, эшелон попал под бомбежку, не доехав до Тускела. Только так можно объяснить его таинственное исчезновение. По-другому спрятать целый железнодорожный состав в степи можно, разве что закопав в песок. Титаническая и очень долгая работа, которая не могла бы остаться незамеченной.

Хотя в архивах существование эшелона с музейными ценностями никак не подтверждено, до сих пор находится немало желающих отыскать эшелон-фантом. В степях, окружающих гору и озеро, можно иногда встретить «черных копателей», не теряющих надежды завладеть драгоценностями. Пока это никому не удалось.

Как говорят местные жители, Черный Хозяин, священный дух горы, который охраняет Басит-ола, не любит людей и прогоняет их из окрестностей воем и злобным бормотанием, сбивает с ног ветрами».

Тем временем «бух» в соседском дворе прекратилось.

Все же великое дело – эти рекламные паузы! И почему поначалу они так всех раздражали? Чем же там у Любы дело кончилось? Молодость истощила запас упрямства или мудрая старость решила уступить?

Поленница заметно уменьшилась в высоту, и Данька возвышался над забором уже в половину роста. Люба по-прежнему периодически выскакивала из кухни, чтобы лишний раз убедиться, что планы внука не поменялись, и он намерен довести начатое до конца. Надеждам ее на благополучное (в ее понимании) разрешение ситуации (должен же ребенок когда-нибудь притомиться!) не суждено было сбыться. Данил все еще находился на высоте, с которой малорослая Люба не могла его стащить и покарать. Узрев бабулю, неутомимый Данька, устраивавший себе временные передышки на период ее отсутствия, показательно швырял очередное полешко и задавал традиционный вопрос.

– Поведешь?

– Слезай, поганец! – выкрикивала в ответ Люба, а иногда убегала молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.